

• Автор: [Владислав Иноземцев](#)

Единственный способ «запуска» российской экономики

Экономический кризис в России, вопреки надеждам властей, не заканчивается – напротив, его присутствие ощущает все большее число россиян. Согласно [недавним данным](#), 41% граждан не могут позволить себе покупать нужные им продукты и одежду, а реальные располагаемые доходы с начала кризиса снизились уже почти на $\frac{1}{5}$. При этом на «самом верху» экономикой практически не занимаются, а группы экспертов, готовящие сейчас диаметрально противоположные (как они сами считают) программы, на деле предлагают схожие рецепты оздоровления: обе их стратегии основаны на необходимости поддержки производителей (одна – через удешевление и расширение объемов кредитов; другая – через сокращение институциональных препон для ведения бизнеса).

Мне кажется, что «мейнстримовские» российские экономисты неправы. При падении реальных доходов граждан на 20% экономика не может расти, сколько кредитов в нее ни вливай и какими бы честными ни стали вдруг силовики. Единственным методом «запуска» роста является повышение доходов граждан – причем в первую очередь наиболее малообеспеченных, которые сберегают минимальную часть своих доходов, а основную долю расходуют на оплату товаров и услуг отечественного производства. Между тем именно этим активно пренебрегает правительство, ограничивая индексацию пенсий и пособий и не повышая зарплаты бюджетников.

Я понимаю, что знаменитое высказывание премьера Медведева «денег нет, но вы держитесь» отражает ситуацию с государственным бюджетом. Но ситуация слишком серьезна, чтобы не попытаться предпринять некоего «бюджетного маневра», направленного на улучшение положения наименее обеспеченных граждан. В качестве первоочередных я предложил бы как минимум три меры.

Во-первых, самоограничение в расходах представителей низкодоходных групп населения обусловлено не только сокращением доходов, но и психологическим ощущением финансового неблагополучия. Важнейшим фактором такового выступает наличие кредитов (до 21% которых не обслуживаются), а также долгов за услуги ЖКХ, штрафов и других подобных обязательств. Сегодня в России долги перед банками имеют 38 млн человек, долги за жилищно-коммунальные услуги – около 12 млн. Из совокупной банковской задолженности в 11,6 трлн рублей на долги в сумме менее 50 тысяч приходится 26%, или 3 трлн – но ими обременены почти 16 млн человек. Средний долг перед управляющими компаниями составляет 26 тысяч рублей; 200 млрд рублей хватило бы на покрытие обязательств 8 млн человек. Иначе говоря, 3,2 трлн рублей могут вернуть почти 20 млн россиян в число нормальных потребителей, «переключив» получаемые ими доходы на покупку необходимых товаров.

На мой взгляд, «вброс» денег в банковскую систему нужно осуществлять именно так. Государство могло бы получить целевой кредит у Банка России на эту сумму на 15-20 лет, выкупить долги граждан, закрыв их обязательства перед банками и иными кредиторами в течение 2-3 лет – а средства вернуть из бюджетных доходов после 2030 года. Фактически простив задолженности, не превышающие 30-50 тысяч рублей, власти помогут не мошенникам, а только самым нуждающимся людям, и увеличат потребительский спрос на 600-700 млрд рублей в год.

Во-вторых, власти должны осознать, что инфляция сегодня сильнее всего бьет по самым незащищенным

группам, а цены на молоко, сметану, яйца, масло, куриное мясо, крупы и т.д. растут быстрее всего (в среднем по этим позициям рост с середины 2014 по середину 2016 года достигает 70%). В такой ситуации необходима адресная помощь тем, кто может купить только самое необходимое. Механизм такой помощи хорошо известен – это применяющиеся даже в Соединенных Штатах «продуктовые марки». В России механизм мог бы быть довольно простым: каждый пенсионер может купить в своем собесе марки (выпускаемые, например, номиналом 100 и 200 рублей) на 4-5 тысяч рублей в месяц за половину от их номинальной стоимости. Торговые сети принимали бы их по номиналу и сдавали в банки, которые зачисляли их на счета и сдавали государству. Ради выгоды в 2-3 тысячи рублей в схему вовлеклись бы самые нуждающиеся пенсионеры, в масштабах страны – 10-12 млн человек. Сумма дополнительных вливаний составила бы не более 250-300 млрд рублей в год – но можно быть уверенным, что все эти деньги немедленно придут на потребительный рынок.

На мой взгляд, введение продуктовых марок – единственный эффективный метод быстрого наращивания реализации отечественной продовольственной продукции в нынешних условиях. Магазины вполне могли бы контролировать страну происхождения товара при расплате марками (которые не могли бы при этом использоваться на приобретение табачных изделий и алкогольных напитков и принимались бы к оплате только при предъявлении пенсионного удостоверения); напечатать такие марки не составило бы большого труда (учитывая опыт выпуска акцизных марок).

В-третьих, весьма значительная часть доходов наиболее нуждающихся россиян уходит на оплату транспортных услуг (в тех же Москве или Санкт-Петербурге, а также в их пригородах сумма доходит до 2 тысяч рублей в месяц). Общая сумма средств, за последние годы перераспределяемая из обычных трат пенсионеров и малообеспеченных граждан в пользу транспортных компаний, составляет около 300 млрд рублей в год. На мой взгляд, разумно в том или ином виде вернуть льготы на проезд хотя бы для пенсионеров и как минимум на то время, пока государство отказывается проводить полагающуюся по закону индексацию пенсий на реальную величину инфляции. Я понимаю, что в некоторых регионах страны выпадающие доходы довольно сложно компенсировать – но я убежден, что подобную меру можно и нужно реализовать в Москве (где городские власти ежегодно проводят масштабные реконструкции одних и тех же улиц стоимостью в миллиарды рублей) или в Санкт-Петербурге (где городской бюджет финансирует самый дорогой в мире стадион для газпромовской футбольной команды «Зенит»).

Три предложенные меры могут одновременно увеличить реальный потребительский спрос на 90-120 млрд рублей в месяц, или на 3-4%. С одной стороны, это не слишком много – но это в то же время практически все, что государство может себе позволить, и, кроме того, важно не только абсолютное значение дополнительных трат, но и смена вектора с негативного на оптимистический, символизирующая прохождение так давно ожидаемого «дна» кризиса. С другой стороны, подобные меры будут обладать значительным социальным эффектом, подчеркивая радикальную перемену в приоритетах властей, которые в последнее время стремятся расходовать бюджетные средства только на военных и полицейских; любое изменение этой политики будет воспринято в обществе как мощное основание для оптимизма и изменения модели поведения в сторону наращивания потребительских расходов.

Разумеется, не следует сводить проблему к потреблению пенсионеров. В стране существует масса граждан, которые в нынешних условиях не живут, а скорее выживают – причем среди них встречаются квалифицированные работники: медсестры и врачи, учителя и инженеры, работники бюджетной сферы (за исключением чиновников и «служивых»). Повышение доходов этих категорий граждан также является более эффективным средством «запуска» экономического роста, чем финансирование строительства моста в Крым или новых веток БАМа. Но пока даже считающиеся «либеральными» экономисты сосредоточенно ищут варианты спасения бизнеса, а не граждан (производителей, а не потребителей), перспективы восстановления российской экономики еще на долгие-долгие годы останутся иллюзорными.

теги

[economy](#)

[Kudrin](#)

[crisis](#)

категории

[Economy](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu